

Через год после того, как подарил вагончик, приезжает к другу Николай Липатов и видит, что и тут некуда ступить – решил помочь построить уже капитальное здание. Забили сваи, начали возводить стены, но трест, которым он руководил, закрыли, и сегодня стоит «замороженное» здание на территории музея как свидетельство крепкой мужской дружбы...

Приказ об открытии музея в Русскинской был издан отделом культуры Сургутского района в 1990 году, тем самым официально признав уже два года до этого действующий музей. В том же году открылся музей и в Лянторе, в Угуте к этому времени уже десять лет работал музей – всего в районе стало три сельских музея.

О музее в национальной деревне прознали далеко за пределами Сургутского района. Власти округа и района в 1993 г. решили провести здесь масштабное культурное мероприятие – IV международный фестиваль финно-угорских народов. Музею предоставили новое здание, перестроенное из вахтового общежития. В том году много чего было сделано в деревне в рамках подготовки к мероприятию – заасфальтированы дороги, построены здания администрации и клуба, магазин и столовая «Най-Анкли». За музеем была закреплена большая территория, на которую Александр Павлович перевез со двора имеющиеся хантыйские постройки. Музею власти купили мини-трактор, что значительно облегчил работу. А среди жителей деревни нашелся молодой помощник **Коля Миронов**.

Александр Ядрошников в своей деятельности всегда опирался на коренных жителей, старался все делать так, чтобы не было у них к нему претензий. Видя, что русский человек относится с большим уважением к их культуре, те тоже отвечали привязанностью. Самолично приносили предметы быта и культуры, не отказывали, когда тот специально приезжал к ним за экспонатами. **Павел Вандымов** передал в музей медвежью голову.

Все эти годы проявляли поддержку в работе музея главы района, председатели сельского совета. **Валентина Кочетыгова**, начальник районного отдела культуры, помогала в организационных вопросах, направила Александра Павловича в Санкт-Петербург для знакомства с великими музеями страны. Осваивали премудрости музейного дела сообща, вместе со своим непосредственным начальством. Когда Валентину Николаевну сменила **Ольга Зырянова**, ситуация даже если и изменилась, то только в положительную сторону – она серьезно занималась популяризацией Русскинского музея, поддерживала во всех направлениях работы. Муж **Виктор Зырянов** часто оказывал музею спонсорскую помощь. Здание нового музея, готовящегося к открытию, было возведено благодаря протекции главы районной администрации **Дмитрия Макущенко**.

Он (из рассказа «Как я привыкал к Северу»): «Однажды командировали нас, поховских парней, на трех илюпках в Сургут для закупки в ПОХ боеприпасов и других охотничьих товаров. В городе нас попросили до деревни доставить трех молодых учительниц, приехавших по распределению после окончания Ханты-Мансийского педучилища. Девчатам наобещали, что предоставят на новом месте все условия, что деревушка уютная, школа отличная. Симпатичные, одухотворенные, они рвались начать новую страницу в своей жизни. Был конец августа. Гидросамолеты на обмелевшую реку сесть не могли, а вертолет неделю муржыл девчат. Мы ринулись таскать неподъемные чемоданы, предполагая, что их вкусное содержимое и нам перепадет. Я уже представлял баночку какого-нибудь варенья. Но... чемоданы оказались набиты книгами. Интерес к девчонкам у нас сразу пропал.

И все же приглянулась мне среди новеньких кареглазая, стройная **Людмила**. Вежливая очень, веселая. А улыбка у нее какая была обворожительная! Поставил я перед собой новую цель...»

Она (из автобиографического рассказа «Школа моей жизни», книга «История Сургутского района, написанная его жителями», 2006 г.):

«...Заведующая районо оформила нас воспитателями Русскинской начальной школы-интерната. С этого дня началась наша самостоятельная жизнь, такая непростая, но полная романтики. Первая сложность заключалась в том, чтобы добраться до этой глухомани. В районо нам посоветовали обратиться в контору коопзверопромхоза. В те годы эта организация занималась приемкой пушینیны и других заготовок от коренного населения и снабжала промысловиков всем необходимым. Сотрудницы, узнав наше назначение, заохали, запричитали, что мы добровольно губим себя, что сойдем там с ума, «ведь там даже бани нет, магазины с наступлением холодов останутся без продуктов, будете есть сухой картофель и яичный порошок, вода только речная...». От всего сказанного у нас буквально волосы встали дыбом. Но мы, твердолюбые, отступить не собирались. Женщины познакомили нас с тремя пареньками из Русскинского промхототделения и попросили тех нам помочь.

Ребята приехали из деревни за боеприпасами и другим товаром для ханты. Четыре дня они пытались отправить нас вертолетом, таскали, чертыхаясь, наши чемоданы: «Чем вы, девчонки, их нагрузили? Если продуктами, то это там пригодится». Но в наших чемоданах были не продукты, не наряды, а книги и наглядные пособия. Все четыре дня была непогода: туман, дождь. Да и вертолетчики не испытывали особого желания лететь в Русскинскую, потому что там можно было застрять надолго. Наши помощники тоже уезжали, так как им предстоял тяжелый трехдневный путь по реке. Разве могла я подумать, что с одним из них навсегда свяжу свою жизнь?

...День 1 сентября 1968 года выдался теплым и солнечным. Казалось, природа благословляла нас в неизведанный путь. Умирая от страха, первый раз в жизни сели мы в «Ми-4». Придя в себя, не могли оторваться от иллюминаторов, глядя на осеннюю неопишемую красоты тайгу. Нас поразило множество извилистых речушек и озер. Вертолет летел на небольшой высоте и в сосновых борах хорошо просматривался белый мох – ягель. Я впервые увидела такое количество гусиных и утиных стай. В необычайный восторг привели нас плавающие лебеди, журавли на болотах. Казалось, что сорок минут мы смотрели интереснейший фильм.

За иллюминатором появилась крупная извилистая река и среди сосняка – пятачок из маленьких деревянных домиков. Это и была деревня Русскинская. Нас никто не встречал. Только несколько мальчишек в национальной одежде любопытно глазели на девчонок в газовых платочках. Мы попытались с ними заговорить, но те вдруг быстро побежали прочь. Кругом песок, как в пустыне. Скинув лакированные туфельки на каблучках, мы побрели в деревню...»

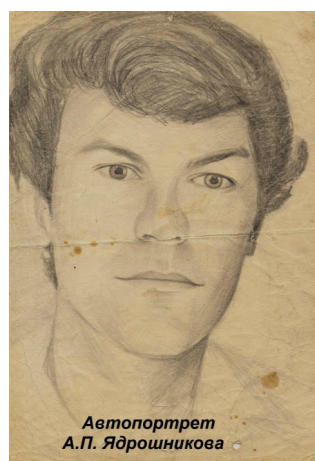
Поставил парень перед собой цель, и со свойственной ему настойчивостью начал претворять ее в жизнь: узнав, что Людочка любит сладкое, скупил в магазине весь имеющийся абрикосовый компот, и когда девчушка расстроилась, что не осталось его, начал звать с подружками к себе в гости. Поняв, что она любит художественную самодеятельность, осмелился нарядиться Дедом Морозом на Новый Год и на каком-то концерте даже песню спел... А главное, зная, как тяжело приходится девчонкам и в быту, и на работе, где холодно и голодно, он помогал чем мог. В 1968-1970-х годах в школе были тяжелые времена – из-за холода занятия проводились в разных местах, кадры менялись. В самом ПОХе у Александра за всю его работу столько управляющих поменялось! В магазины продукты завозили по осени, вкусного ничего толком не было. Похудела Людмила за год жизни в Русскинской на целых 15 кг., поэтому, жалея девчонок, частенько подкидывал лесные трофеи. Какое девичье сердце останется безучастным к такой заботе? Вот и дрогнуло оно у нее, и случилась любовь, романтическая, красивая, на радость всей деревне, всей детворе.

Бывшие ученики **Людмилы Алексеевны**, нынче сами уже бабушки и дедушки, вспоминают про их любовь с умилением. Видимо, непривычно было видеть привыкшим к сдержанности в выражении чувств коренным людям открытость русской влюбленной пары. Первую настоящую русскую свадьбу сыграли молодым всем миром в сельском клубе. Назначили ее на 9 мая, но вертолет прилетел только на следующий день. Пришлось на день отложить, потому что летчики должны были привезти фату невесте да костюм жениху. Свадьба получилась веселой - в ту пору света не было, в сумерках, при свете свеч да под гармошку гуляли человек 70, и не только свои деревенские, но и приезжий, залетный люд. (Интересный факт: лет десять назад музей посетили бывшие летчики, которые случайно оказались на их свадьбе). Надали подарков – ситца и тюли по целому рулону, яловые сапоги на шею новобрачному, целую коробку ложек да вилок... Очень жалеют сейчас супруги, что не сохранились фотографии с той веселой свадьбы – какая память пропала! Но она сохранилась у них в сердцах.

Привел Александр после свадьбы Людмилу в свой домик размером в 2*1,5 метра, где стояла одна кровать на чурках, и зажили они семейной жизнью. Зарегистрировали свои отношения молодые только через месяц, так как сельсовет тогда находился в Ермаково и до него нужно было плыть по реке. Поплыли с друзьями, с Колей Кнезьяновым, Мишей Покачевым и другими по Тром-Агану на пяти лодках. Брак зарегистрировала **Дарья Степановна Покачева**, секретарь сельсовета, а свидетелем был **Иван Пантелеевич Кривых**. После регистрации молодые посетили Шаман-Гору, святилище ханты, переночевали вдвоем в хантыйском лесу. Видимо, задобрили. Получили благословение. Кто знает, не явилось ли это посещение одним из залогов их счастливой семейной и творческой жизни?

Начало пути

Мужчины испокон веков совершают подвиги ради женщины. Если считать создание музея, всемирно известного бренда для забытой Богом хантыйской деревушки, притом не имея основного инструмента для работы – восьми пальцев на руках, подвигом, то совершил его Александр тоже ради своей любимой женщины. Таксидермией, то есть набиванием тушек таежной дичи он начал заниматься исключительно для того чтобы облегчить жизнь своей жены: не очень-то любила она теребить дичь.

Автопортрет
А.П. Ядрошникова

Помнит Александр Павлович глухаря, который стал первым экспонатом будущего музея. Его взял друг **Николай Липатов**, управляющий треста «Запсибэлектросетьстрой», с которым частенько летали на охоту. Как-то на охоте рано выпал снег, уток и гусей не было, и застрелил Николай Никитич налетевшего на него глухаря. Это был глухарь бесподобной красоты, и не поднялась у Александра рука отеребить такую красоту, взял и сделал чучело.

После этого случая он начал в промежутках между работой, подготовкой уроков с любимыми дочурками и другими хозяйственными делами создавать свои шедевры, одного за другим. Скоро дом наполнился чучелами птиц и животных, и стали к ним ходить люди, как в самый настоящий музей. В сенях за дверью устроил крохотную мастерскую и творил. А ведь руки его были без пальцев...

- Мы с сестренкой привыкли к тому, что у папы нет пальцев на руках, и думали в детстве, что так и должно быть, - вспоминает дочь Татьяна.

...Александр Павлович в 14 лет пошел с другом на охоту за зайцем. Был февраль, морозец градусов под 40. Заблудились мальчишки, и друг с другом разошлись. Саша вышел к дороге, когда было уже темно. В деревне стучался в дома, никто не открыл – время было послевоенное, люди боялись. Пока добежал до дома, заковенели все пальцы. Была бы вовремя оказана помощь, не пришлось бы резать. А так, он перенес не одну, а несколько операций – резали все короче и короче... Вот так, из-за холода, а больше людской трусости и равнодушия, остался Саша инвалидом детства.

Кто-нибудь видел его рисунки? На мой взгляд, работы настоящего художника. Тогда врачи сказали подростку, что чем-нибудь нужно заняться, чтобы пальцы разрабатывать. Он начал рисовать еще даже незажившими пальцами, настолько сильна была тяга к жизни. Когда пальцы начинали кровоточить, брал карандаш в рот и продолжал рисовать...

Интересные выверты делает порой жизнь с людьми. О геройском поведении мужа на операции его супруга узнала случайно, спустя многие годы, будучи сама на операционном столе. Как-то в молодости в Нолинске ей пришлось перенести операцию, на которой присутствовала пожилая медсестра. Она узнала в приехавшем проведать жену Александре того подростка, у которого резали отмороженные пальцы! Женщина с восхищением рассказала, как он стойко терпел адскую боль – в то время анестезиология оставляла желать лучшего, если она вообще была... Увидев, как выносит боль Людмила и вспомнив подростком ее мужа, медсестра сказала: «Сибиряки, похоже, очень терпеливые!»

Приходилось слышать Ядрошникову и байки смешные о своих утерянных пальцах. Так, едет он раз в автобусе и слышит - разговаривают о музее, о нем говорят: «Мужчина, что создал музей в Русскинской, в берлогу упал, медведь откусил ему пальцы и отпустил...»

...Вспоминает Александр Павлович, как сделал чучело первого медведя. У них во дворе банька стояла, первая в деревне. Внутри была колонка и все к ним ходили за чистой водой. Он в бане чучела делал. Соседка пришла за водой, заходит в баню, а там лежит медведь. Женщина так и брякнулась в обморок! Дело было зимой: хорошо, что следом за водой пришла другая соседка...

Начал заниматься таксидермией наш односельчанин по наитию, не зная ничего об этой науке, ни у кого не учась. Когда учился в техникуме, студенты ездили по Байкалу, Ангаре, ходили в походы, посещали музеи, где иногда видел чучела животных и птиц. А тут попробовал набить глухаря, понравилась работа, вдохновился не на шутку, и пошло дело.

Работает мастер по старинке, со своими подручными материалами – каркас из проволоки, набивается шкура где тряпьем и ватой, где газетами. Когда он начинал, в продаже вообще не было никакого специального товара. Это сейчас в специализированных магазинах продаются все необходимые для таксидермии товары, но они не всегда доступны пенсионеру – стоят больших денег. Создателю Русскинского музея сегодня 76 лет, и он уже не тот охотник, каким был, скажем, лет десять назад. Дичь и материалы для работы покупает на свои деньги и дальше пополняет свою уникальную коллекцию. Большую часть коллекции мастер передал в фонды музея. Мы часто говорим о том, что надо активнее вести работу по патриотическому воспитанию молодежи, что нет сейчас патриотов. Да есть он, патриотизм, вот живой его пример рядом с нами!

Кстати, некоторые научились у Ядрошникова делать чучела. Только учились иногда не очень хорошим способом: просили, чтобы он сделал для подарка кому-то изделие, а сами потом ломали, разворачивали любовно сделанную вещь, чтобы самим научиться делать и продавать. Продают...

Ценность русскинского таксидермиста в том, что он настоящий художник, а не ремесленник-кустарь. Таксидермист становится художником тогда, когда в его работе прослеживается целый сюжет, а само произведение наделено смыслом. Такие работы единичны и никогда не повторяются - в этом их ценность. На создание композиций и образов уходит не один день. Зачастую бывает так, что задуманный вначале сюжет в ходе работы переделывается несколько раз. Это очень «живая» и интересная работа, требующая большой усидчивости, и которую перенять в силах только тот, у кого есть призвание, огромное желание быть таким же мастером, как и он. У сюжетного, композиционного направления таксидермии большое будущее. Хорошо бы было, если б нашлись достойные ученики, пока художник среди нас...

Становление музея

Когда уже дома негде стало устанавливать чучела, Александру Павловичу пришел на помощь тот же друг, Николай Липатов. Он предложил другу уйти из ПОХа, где тот отработал на совесть 25 лет и установил вагончик-музей во дворе дома Ядрошниковых. Это было в 1988 году. Народ в музей потянулся. Роль экскурсоводов и зрителей выполняли сами супруги. Александр Павлович решил рядом с музеем создать парк - хантыйское стойбище. С одобрения хозяев стойбищ он перевез несколько срубных изб и лабаз.

